

Митрополит Иларион (Алфеев)

СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ НАГОРНОЙ ПРОПОВЕДИ

Статья посвящена Нагорной проповеди — первой из публичных речей Иисуса Христа, согласно Евангелию от Матфея. Автор разбирает ее структуру, композицию, рассматривает место, где была произнесена проповедь, проводя параллели с ветхозаветными событиями, подвергает анализу состав аудитории, для которой она была произнесена. Само местоположение Нагорной проповеди в Евангелии от Матфея и во всем корпусе Четвероевангелия заставляет видеть в ней своего рода духовно-нравственную программу, которая получает дальнейшее раскрытие на страницах Нового Завета, и рассматривать ее как единый связный текст — в том виде, в каком она дошла до нас.

Ключевые слова: Иисус Христос, Нагорная проповедь, Новый Завет, Евангелие, евангелисты, «Отче наш», христианство, Матфей, Моисей, гора Сион, композиция, структура, заповеди.

Нагорная проповедь, занимающая три главы в Евангелии от Матфея (5–7) и представляющая собой первую публичную речь Иисуса Христа, по версии Матфея, обладает четко продуманной структурой и композицией.

В середине Нагорной проповеди стоит молитва «Отче наш», от которой в разные стороны, к началу и к концу текста, подобно концентрическим кругам, расходятся тематические блоки: каждый из них может рассматриваться как симметричный другому, находящемуся на противоположном конце от центра композиции. Все это создает внутреннюю симметрию и заставляет говорить о кольцевой композиции проповеди (в частности, определенная симметрия усматривается между Мф 6:5–8 и Мф 6:16–18, 6:1–4 и 6:19–21, 5:48 и 6:22–23, и так далее вплоть до 5:17–20 и 7:12, где говорится о «законе и пророках»).

Открывающие Нагорную проповедь заповеди блаженства (Мф 5:3–12) образуют тематическую арку с завершающими проповедь словами о доме на камне (Мф 7:24–27). При всей условности подобного рода структурного анализа, он помогает понять, почему Нагорная проповедь воспринимается как цельная, законченная и четко структурированная композиция.

Митрополит Иларион (Алфеев) — доктор философии, доктор богословия, ректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия (cancelar@doctorantura.ru).

Несмотря на наличие в ней многочисленных, внешне как будто не связанных между собой тематических отрывков, у нее есть своя внутренняя логика, свое сквозное развитие.

Композиционная завершенность Нагорной проповеди может быть приписана автору первого Евангелия, но гораздо больше оснований имеется для того, чтобы увидеть в ней особенность речи Самого ее Автора — Иисуса Христа. Всякий человек, которому приходится произносить проповеди или читать лекции, знает, что для лучшего усвоения материал должен быть не только внятно изложен, но еще и четко структурирован. Ключевые моменты речи должны быть подчеркнуты, выделены, главные мысли неоднократно повторены.

Всему этому обучают на уроках риторики, которые Иисус, как мы предполагаем, не проходил. Красота, изящество, внутренняя пропорциональность и четкая структурированность Его речи была не следствием полученных от кого-то уроков, а отражением Его собственного образа мысли и способа ее выражения. В отличие от многих проповедников, которые не знают, что хотят сказать, импровизируют на ходу и не могут четко выстроить речь, Христос знал, что Он хотел сказать и как Он это хотел сказать. Композиционная завершенность речи является прямым следствием внутренней цельности мышления Автора и Его уверенности в Своих словах.

Как и многие другие речи Иисуса, Нагорная проповедь насквозь «прошита» определенными постоянно повторяющимися словами или формулами, позволяющими лучше запомнить и усвоить материал. Так, например, в начале текста девять раз повторяется слово «Блаженны»; далее шесть раз звучит рефрен «Вы слышали, что сказано... А Я говорю вам»; целая серия из шести заповедей дана в отрицательной форме («не творите милостыни...», «не будьте, как лицемеры...», «не будьте унылы, как лицемеры...», «не собирайте себе сокровищ на земле...», «не судите...», «не давайте святыни псам...»). Девять раз в Нагорной проповеди встречается слово «Царство», три раза звучит формула «закон и пророки».

Как правило, исследователи представляют себе евангелиста Матфея человеком, который из имеющихся лоскутов сшивает одеяло своего повествования много десятилетий спустя после событий, легших в его основу. Отсюда многочисленные гипотезы о первоначальных источниках и их последующих редакторских правках. Но почему мы не можем предположить, что или сам Матфей, или кто-либо из тысяч людей,

слушавших Иисуса в тот момент, когда Он произносил проповедь, сумел застенографировать ее? Если он и не сделал этого прямо там, на месте, он мог сделать это несколько позже, по памяти, тем более если слышал одну и ту же проповедь не один раз. Даже если он воспроизводил проповедь значительно позже, почему он не мог ее запомнить дословно?

В жизни каждого бывают беседы, которые запоминаются с буквальной точностью и которые человек может дословно воспроизвести даже много десятилетий спустя. Это те беседы, которые оказали особое влияние на судьбу человека, на его мировоззрение, или это беседы с особенно значимыми людьми, каждое слово которых врезается в память. Почему ученики Иисуса, проведенные вместе с Ним столько времени и слышавшие Его поучения, не могли запомнить их буквально и донести до следующих поколений, тем более что все они слышали то, что Он говорил, и, следовательно, при устном воспроизведении слов Иисуса одним из учеников другие могли их уточнить? Текст Евангелий, если и не в окончательном виде, то в виде фрагментов, сформировался уже при жизни апостолов, и у нас нет оснований не доверять ему и всюду подозревать творчество позднейших редакторов, якобы придумавших образ Иисуса Христа и вложивших в Его уста изречения, которые Он в действительности не произносил.

В Нагорной проповеди Иисус предстает перед читателем, прежде всего, как Учитель нравственности. Однако Он отличается от обычных учителей, чья миссия заканчивается после того, как ученики затвердили урок. Иисус как личность остается необходимым и после того, как Его учение изложено: «Христос является учителем в уникальном смысле, ибо истинность, значимость и вечность Его учения напрямую зависят от Его личности. Учитель и учение здесь нерасторжимо связаны: вы не сможете полностью понять смысл учения, пока не поймете, кто Учитель; не сможете полностью принять учение как истинное, пока не примете Учителя как вашего Господа, Сына Божия и Сына Человеческого. Кратко говоря, принятие Его учения означает постоянное следование Ему по пути ученичества»¹.

Еще в раннехристианскую эпоху толкователи обратили внимание на параллелизм между Нагорной проповедью и повествованием Книги Исход о получении Моисеем на горе Синай каменных скрижалей с начертанными на них Богом десятью заповедями. И в том и в другом

---

¹ Meier J. P. The Vision of Matthew: Christ, Church, and Morality in the First Gospel. Eugene, Oregon, 2004. P. 43.

случае действие происходит на горе, о чем подробнее скажем ниже. Иисус Христос выступает как новый Моисей, который обновляет синайское законодательство². Нагорная проповедь имеет программный характер: она представляет собой основу той духовной программы, которую Иисус предлагает Своим последователям. При этом она мыслится как восполнение закона Моисеева, его новое прочтение и корректировка.

С одной стороны, Иисус подчеркивает важность закона («ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все...») и позиционирует Себя не как разрушителя, но как исполнителя закона («Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить»). Но, с другой стороны, отталкиваясь от того, что «сказано древним», Он сознательно и последовательно демонтирует внутреннюю логику Моисеева законодательства, замещая ее логикой Своего учения, основанного на принципиально иных посылах.

В чем здесь главные различия? Если заповеди, данные Богом через Моисея, были обращены к Израильскому народу в целом, то заповеди Иисуса обращены к конкретному слушателю. Если закон Моисеев ставит определенную нравственную планку, то Иисус эту планку поднимает значительно выше. Если в законе Моисеевом Бог говорит почти исключительно о внешних аспектах поведения, то Иисус больше внимания уделяет внутреннему состоянию человека. Заповеди Блаженства не отменяют десять заповедей, а прочий материал Нагорной проповеди не отменяет других установлений Закона Моисеева. Однако в Нагорной проповеди взаимоотношения между Богом и человеком выводятся на новый духовно-нравственный уровень, благодаря чему заново выстраивается и вся система взаимоотношений между людьми.

Изложение Нагорной проповеди предваряется словами евангелиста Матфея: «Увидев народ, Он взошел на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря» (Мф 5:1–2). Почему так важно для евангелиста место, где Христос произносил проповедь? Горы всегда имели особое значение для человека. Даже в наши дни пребывание в горах ассоциируется в сознании многих людей не только с чистым воздухом и прекрасными пейзажами, но и с освобождением от суеты, возможностью побыть наедине с собой, с природой и с Богом. В сознании ветхого Израиля горы однозначно ассоциировались с присутствием Божиим. Псалмопевец говорит: «Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя. Помощь моя

---

² *Gregorii Nysseni. De Beatitudinibus. VII // Patrologiae cursus completus. Series graeca. T. 44. Paris, 1863. Col. 1278.*

от Господа, сотворившего небо и землю» (Пс 120:1–2). И если для того, чтобы получить помощь от Бога, достаточно возвести очи к горам, то для того, чтобы встретиться с Богом, необходимо подняться на гору (нередко в Библии Бог назначает свидание человеку не где-нибудь, а именно на горе).

Одним из примеров, несомненно, хорошо известным слушателям Иисуса и читателям Матфея, является библейский рассказ о том, как Авраам приносит в жертву своего сына Исаака. Рассказ начинается с того, что Бог говорит Аврааму: «Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа и там принеси его во всесожжение *на одной из гор*, о которой Я скажу тебе». Авраам отправляется в путь. На третий день он видит издали указанное Богом место и говорит слугам: «Останьтесь вы здесь с ослом, а я и сын пойдем туда и поклонимся». Ни у слуг, ни у сына эти слова не вызывают вопросов, так как восхождение на гору для поклонения Богу было обычной практикой. Только когда Исаак видит, что Авраам не взял с собой жертвенное животное, он спрашивает отца: «Вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?». Авраам отвечает: «Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой». Наконец отец с сыном приходят на указанное Богом место, Авраам связывает Исаака, кладет его на жертвенник и поднимает руку с ножом, чтобы заколоть его. В этот момент он слышит голос Ангела: «Не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня» (Быт 22:1–12).

Еще один пример — явления Бога Моисею в пустыне Синайской. Согласно повествованию Книги Исход, Моисей восходит на гору и Бог зовет к нему с горы. Моисей спускается к народу, пересказывает ему слова Божии, а потом вновь поднимается, чтобы услышать повеление Божие вернуться к народу и освятить его в течение трех дней: «На третий день, при наступлении утра, были громы и молнии, и густое облако над горою [Синайскою], и трубный звук весьма сильный; и вострепетал весь народ, бывший в стане. И вывел Моисей народ из стана в сретение Богу, и стали у подошвы горы. Гора же Синай вся дымилась оттого, что Господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась; и звук трубный становился сильнее и сильнее. Моисей говорил, и Бог отвечал ему голосом. И сошел Господь на гору Синай, на вершину горы, и призвал Господь Моисея на вершину горы, и взошел Моисей» (Исх 19:16–20).

Но и на этот раз Бог повелевает Моисею вернуться к народу и предупредить, чтобы никто под страхом смерти не приближался к горе. Только после того как Моисей восходит на Синай в четвертый раз, Бог изрекает заповеди, которые ложатся в основу так называемого Моисеева законодательства. Моисей пересказывает их народу и записывает. Но Синайское богоявление на этом не кончается. Бог вновь призывает Моисея, и вновь встреча происходит на горе: «И сказал Господь Моисею: взойди ко Мне на гору и будь там; и дам тебе скрижали каменные, и закон и заповеди, которые Я написал для научения их. И встал Моисей с Иисусом, служителем своим, и пошел Моисей на гору Божию, а старейшинам сказал: оставайтесь здесь, доколе мы не возвратимся к вам; вот Аарон и Ор с вами; кто будет иметь дело, пусть приходит к ним. И взошел Моисей на гору, и покрыло облако гору, и слава Господня осенила гору Синай; и покрывало ее облако шесть дней, а в седьмой день [Господь] воззвал к Моисею из среды облака. Вид же славы Господней на вершине горы был пред глазами сынов Израилевых, как огонь поядущий. Моисей вступил в средину облака и взошел на гору; и был Моисей на горе сорок дней и сорок ночей» (Исх 24:12–18).

Когда Моисей спускается с горы, он обнаруживает, что за время его сорокадневного отсутствия народ отступил от Бога и начал поклоняться золотому тельцу. Он в гневе разбивает скрижали с записанными на них заповедями Божьими. Но Бог вновь призывает его: «Вытети себе две скрижали каменные, подобные прежним, [и взойди ко Мне на гору,] и Я напишу на сих скрижалях слова, какие были на прежних скрижалях, которые ты разбил; и будь готов к утру, и взойди утром на гору Синай, и предстань предо Мною там на вершине горы» (Исх 34:1–2). Вновь встреча Моисея с Богом происходит на горе, и вновь Моисей получает от Бога наставления, которые должен, сойдя с горы, пересказать народу.

С горой Синай, известной также под названием Хорив, связано также явление Бога пророку Илии. К этой горе Илия шел сорок дней и сорок ночей. После того как он приблизился к ней, Бог сказал ему: «Выйди и стань на горе пред лицом Господним, и вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, [и там Господь]» (3 Цар 19:11–12).

Помимо Синая, еще одна гора имела для народа Израильского особое значение — Сион. На этой горе Давид построил свой город (2 Цар 5:7–10).

Ее же он многократно воспел в псалмах: «Надеющийся на Господа, как гора Сион, не подвигнется: пребывает вовек. Горы окрест Иерусалима, а Господь окрест народа Своего отныне и вовек» (Пс 124:1–2); «Благословит тебя Господь с Сиона, и увидишь благоденствие Иерусалима во все дни жизни твоей» (Пс 127:5); «Да постыдятся и обратятся назад все ненавидящие Сион!» (Пс 128:5); «Ибо избрал Господь Сион, возжелал [его] в жилище Себе» (Пс 131:13); «Благословит тебя Господь с Сиона, сотворивший небо и землю» (Пс 133:3); «Благословен Господь от Сиона, живущий в Иерусалиме!» (Пс 134:21).

Согласно иудейской традиции, Сион — та самая гора в земле Мориа, на которую восходил Авраам, чтобы принести в жертву Исаака. На этой горе, по христианскому преданию, был погребен первый человек — Адам; на ней же был распят Иисус Христос.

В течение Своей земной жизни Иисус многократно поднимался на горы. В одном только Евангелии от Матфея мы встречаем восемь таких эпизодов. В начале этого Евангелия мы читаем о том, как диавол берет Иисуса «на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их» (Мф 4:8). Затем Иисус восходит на гору для произнесения Своей первой проповеди (Мф 5:1). После того как в пустынном месте Иисус накормил пять тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами, Он восходит на гору, чтобы помолиться наедине (Мф 14:23; Мк 6:46). Далее мы видим, как, взойдя на гору, Иисус исцеляет «хромых, слепых, немых, увечных и иных многих» (Мф 15:30). Одно из главных чудес Иисуса — Преображение — происходит тоже на горе: «По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет. И вот, явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие» (Мф 17:1–3; Мк 9:2–4; Лк 9:28–30). На горе Елеонской Иисус отвечал на вопрос учеников о признаках Его второго пришествия (Мф 24:3; Мк 13:3). По окончании Тайной Вечери Иисус с учениками, «воспев, пошли на гору Елеонскую» (Мф 26:30; Мк 14:26; Лк 22:39). Там же, в Гефсиманском саду, Иисус молится Отцу о том, чтобы, если возможно, миновала Его чаша сия (Мф 26:36–46; Мк 14:32–42; Лк 22:41–46). Наконец, после воскресения Иисуса одиннадцать учеников «пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус, и, увидев Его, поклонились Ему, а иные усомнились» (Мф 28:16–17)³.

К этим эпизодам можно добавить рассказ Марка и Луки о том, как Иисус «взошел на гору и позвал к Себе, кого Сам хотел; и пришли

³ Lee D. Transfiguration. London; New York, 2004. P. 43–46.

к Нему. И поставил из них двенадцать» (Мк 3:13–14; Лк 6:12–13). Следует также добавить, что, согласно Иоанну, насыщение пяти тысяч пятью хлебами происходило на горе (Ин 6:3). Иоанн упоминает о том, как Иисус после посещения храма пошел на гору Елеонскую, а утром опять пришел в храм (Ин 8:1–2). Из слов Луки мы узнаем о том, что восхождение на эту гору было у Иисуса в обычае: «днем Он учил в храме, а ночи, выходя, проводил на горе, называемой Елеонскою» (Лк 21:37). Лука — единственный из евангелистов, кто уточняет, что после Тайной Вечери Иисус пошел на гору Елеонскую «по обыкновению» (Лк 22:39).

Для странствующего проповедника, каким был Иисус Христос, восхождение на горы, казалось бы, не было обязательным. Все основные дороги пролегали по равнинам, и при желании можно было легко избежать восхождения на горы, общаясь с людьми в городах и селах. Между тем мы видим, как Иисус постоянно восходит то на одну, то на другую гору. Очень часто Он поднимается туда один — чтобы остаться наедине с Отцом. Иногда Он берет с Собой учеников. А иной раз целые толпы народа поднимаются на гору вслед за Ним — чтобы услышать Его слово или получить исцеление.

Образ Иисуса, восходящего на гору, чтобы преподать наставление ученикам, а через них народу, не может не напомнить о Моисее, восходящем на гору, чтобы получить от Бога наставление и передать его людям. Однако между двумя образами есть существенная разница. Моисей поднимается на гору один, и народу строжайшим образом запрещено приближаться к горе. Христос берет с Собой на гору тех, кому Он намеревается преподать новое учение, восполняющее Моисеево законодательство и призванное отныне служить нравственным мерилom для Его последователей. Моисей восходит на гору для встречи с Богом. Иисус Сам является Богом, Который приглашает людей на гору для встречи с Собой. Моисей поднимается на гору несколько раз и каждый раз, спускаясь, пересказывает народу то, что услышал от Бога. Иисус Христос вместе с народом поднимается на гору один раз и говорит людям то, что они должны услышать.

Согласно преданию, восходящему к IV веку, гора, на которой была произнесена Нагорная проповедь, находится недалеко от Галилейского озера: называется она Горой Блаженств, и с нее открывается живописный вид на озеро и окрестности⁴. В отличие от скалистого Синая, высота которого достигает 2285 метров, Гора Блаженств имеет высоту лишь

---

⁴ Brake D. L., with Bolen T. Jesus. A Visual History. Grand Rapids, 2014. P. 89.

110 метров, и восхождение на нее не представляет особого труда. Сам внешний вид этой горы, окруженной плодородными землями, напоминает о кротком Учителе, Который пришел не для того, чтобы в громах и молниях возвестить народу Израильскому суровые законы, но для того, чтобы в «веянии тихого ветра» возвестить человечеству новые богооткровенные истины.

Для лучшего понимания Нагорной проповеди необходимо понять ее адресата, т.е. к кому она была обращена — к ученикам или к народу? Из вступительных слов евангелиста Матфея ответ не очевиден: «Увидев народ, Он взшел на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их...» (Мф 5:1–2). С одной стороны, здесь говорится о народе, с другой — об учениках, к которым относятся слова «учил их». Однако по окончании изложения Нагорной проповеди Матфей пишет: «И когда Иисус окончил слова сии, народ дивился учению Его, ибо Он учил их, как власть имеющий...» (Мф 7:28–29). Здесь уже «учил их» относится к народу, а не только к ученикам. Из этого следует, что рядом с Иисусом в момент произнесения проповеди находились и ученики, и народ: Он обращал слово либо к ученикам и народу, либо к ученикам, но так, чтобы слышал народ. Следовательно, Его поучение имело универсальный смысл и было обращено к универсальному слушателю.

Кто из учеников Иисуса мог присутствовать при произнесении Нагорной проповеди? В первых четырех главах Евангелия от Матфея, предшествующих ее изложению, упоминаются только четверо — Петр, Андрей, Иаков и Иоанн. Рассказы о призвании Матфея (Мф 9:9) и об избрании двенадцати (Мф 10:1–4) последуют позже. Однако, поскольку, согласно другим Евангелистам (Мк 3:13–19; Лк 6:13), двенадцать были избраны из общего, большего числа последователей, то можно предположить, что и на горе с Иисусом, помимо четырех упомянутых ранее учеников, были и другие, часть из которых впоследствии войдет в число двенадцати апостолов.

Был ли среди них Матфей, автор первого Евангелия? Этого исключить нельзя. В том случае, если он присутствовал при произнесении Нагорной проповеди, его призвание Иисусом означает, что до этого момента они уже были знакомы.

Обращает на себя внимание выражение «отверзши уста Свои»: оно вносит элемент торжественности в описание события, подчеркивает значимость того, что Иисус намеревался сказать. До настоящего момента

Иисус в Евангелии от Матфея практически ничего не произносил, кроме ответа Иоанну Крестителю (Мф 3:15), трех коротких реплик в ответ на искушения дьявола (Мф 4:4, 7, 10), слов, заимствованных у Предтечи: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф 4:17), и слов, обращенных к Петру и Андрею: «Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Мф 4:19). Проповедь Предтечи приведена с достаточной полнотой (Мф 3:7–12), а Иисус пока еще не представлен в качестве проповедника. И вот Он отверзает уста Свои, чтобы изложить суть того «Евангелия Царствия», которое Он проповедовал по всей Галилее (Мф 4:23).

Иисус начинает речь без всяких предисловий. В отличие от обычных ораторов, лекторов и учителей, которые в начале речи обозначают ее тему и предупреждают слушателей, о чем будут говорить, Иисус начинает сразу с самой сердцевины того, что хочет сказать. Мы не можем исключить, что в реальности какие-то вступительные слова, опущенные впоследствии евангелистом Матфеем, были произнесены. Но именно в той форме, в какой Нагорная проповедь донесена до нас — без вступительных слов, — она производит то особое впечатление, которое отражено в словах Евангелиста о реакции на нее слушателей: «ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи» (Мф 7:29).

Слова Иисуса в Нагорной проповеди — это не плод книжной мудрости. Это слова Самого Бога, обращенные к человеку. Именно осознание того, что слова Нагорной проповеди принадлежат Богу, является ключом к пониманию ее смысла и значимости. Именно Бог в свое время призвал Моисея на гору Синай, чтобы дать ему каменные скрижали с заповедями для народа Израильского. И именно Бог инициирует Новый Завет с Новым Израилем через Иисуса Христа, Который в Нагорной проповеди торжественно оглашает то, что Сам Бог через Него хочет сказать людям.

Источники и литература

1. *Brake D. L., with Bolen T. Jesus. A Visual History.* Grand Rapids, 2014.
2. *Gregorii Nysseni. De Beatitudinibus, VII // Patrologiae cursus completus, series graeca / ed. J.-P. Migne. T. 44.* Paris, 1863.
3. *Lee D. Transfiguration.* London; New York, 2004.
4. *Meier J. P. The Vision of Matthew: Christ, Church, and Morality in the First Gospel.* Eugene, Oregon, 2004.

Metropolitan Hilarion (Alfeyev). Structural and Compositional Analysis of the Sermon on the Mount.

This article is devoted to the Sermon on the Mount – the first public speech of Jesus Christ according to the narration of the evangelist Matthew. The author analyzes its structure and composition, considers the location where the Sermon was preached, brings in parallels with Old Testament events, and analyzes the intended audience. The author concludes that, most probably, the sermon has not been edited, but, rather, was written down from memory and recorded basically in the form in which it was preached. The wholeness of composition, clarity of language, and lack of an introductory preface testify to the internal completeness of the Author's thought process and His conviction in the truth of His own words. The preaching of a sermon on a mountain, on the one hand, reminds of Old Testament revelations of God and, on the other hand, the fact that listeners are led up a mountain testifies to the unique character of the Preacher and the establishment of a new relationship between God and men. The location of the Sermon of the Mount in the Gospel of Matthew (and in the entire corpus of the Four Gospels) makes one see it as a spiritual and ethical program of sorts, which is further developed and completed on the pages of the New Testament and to consider it as one complete text, preached in the same shape, in which it has come down to us.

Keywords: Jesus Christ, Sermon on the Mount, New Testament, Gospel, evangelists, Lord's Prayer, Christianity, Matthew, Moses, Mount Zion, composition, structure, commandments.

Metropolitan Hilarion (Alfeyev) – Doctor of Philosophy, Doctor of Theology, Rector of the Sts. Cyril and Methodius Institute for Post-Graduate Studies (cancelar@doctorantura.ru).